

*Посвящается моей маме
Ламоновой Александре Петровне
и моим тетям
Хлынцевой Валентине Петровне,
Скляровой Анне Петровне,
Давыдовой Вере Петровне
с любовью*

Дом Хлынцевых стоял на краю села. Жуково селом было довольно большим: около двух тысяч жителей. Мимо проходила дорога со станции. Каждое утро старшие дети наливали в ведро свежей колодезной воды, вешали на ведро ковшик и ставили на врытую у калитки скамеечку. Для прохожих. Которым никак не миновать их дома...

Война началась

Сад Хлынцевых славился на всю округу. Его можно было назвать вишневым, а можно яблочным. И то и другое было правдой. Семья Хлынцевых была большой и дружной.

Отец Петр Егорович работал в совхозе плотником. А по вечерам сапожничал: ботинки и женские туфли у него заказывали городские модницы. Вся округа знала о его таланте. Пройдя Первую мировую и Гражданскую войны, он ни разу не был ранен и прозван был среди солдат Заговоренным: убивало тех, кто рядом, пули прошивали его шинель и ни разу не царапнули его самого. Забегая вперед,

скажу, что он пройдет еще и Великую Отечественную связистом, потом войну с Японией и вернется домой в 1946 году с тем же прозвищем — Заговоренный.

Мать Мария Яковлевна была продавцом в сельмаге, а заодно бухгалтером в том же магазине. Окончив четыре класса церковно-приходской школы, она была от природы умной и талантливой женщиной. Выйдя замуж в шестнадцать лет, она пришла в семью Петра и относилась с большим уважением к свекрови и свекру. Да и люди они были необычные. Свекровь — настоящая хозяйка дома, заботливая и работающая. В семье рождались сыновья, и работали все Хлынцевы много и с охотой. В селе слыли зажиточными — лошади, коровы, птица, большие, как бы сейчас сказали, посевные площади. Кулаки, как назовут их в советские годы. Свекровь умерла рано, в 46 лет, дед, однолюб, так больше и не женился. Дед Егор Игнатыч был фигурой очень колоритной. Прослужив в царской армии писарем 25 лет, он всю жизнь славился уникальным каллиграфическим почерком. Как он часто рассказывал, царю письма писал, а там, если виньетка не та, письмо возвращали. И дед очень гордился тем, что его письма ни разу не вернулись. Каждый год приезжал в отпуск, привозил годовое жалование — построил дом, покупал живность, одевал, обувал детей. После революции, когда начали создавать первые колхозы и раскулачивать крепкие крестьянские хозяйства, дед взял под уздцы лошадей, коров и отвел их в колхоз, вступив в него чуть ли не первым. Жена и снохи бились в истерике и кричали:

— Не дадим!..

На что дед ответил:

— Не мочись против ветра, себя обмочишь.

Новое колхозное начальство, поставив деда в пример, вернуло ему одну корову и двух лошадей и не тронуло «кулацкую» семью. Мудрый был дед. У деда Егора было восемнадцать внуков. На 1 мая и 7 ноября на площади около правления собирался митинг, который старались провести быстрее, и всем селом отправлялись смотреть демонстрацию, организованную дедом. Собрав всех внуков, он ставил их в шеренгу по двое. Впереди шли барабанщик и трубач, остальные, шагая строем в ногу, держали в руках красные флажки и размахивали ими. Пройдя по селу, они приходили в сад, где уже ждала заранее сколоченная сцена и лавки для зрителей. Кому лавок не хватало, стояли или садились на землю. Дети разыгрывали спектакль или давали концерт. Вся семья Хлынцевых славилась красивыми сильными голосами, пела в церковном хоре, дед был в нем регентом. Любили петь на праздничных застольях. А еще летом, по вечерам, часто собирались на одном берегу реки, полсела устраивалось на другом и слушало концерт хора семьи Хлынцевых.

Опять забегая вперед, расскажу, что дожил дед Егор до 102 лет, до самой смерти занимался ульями, бегал, как молодой, всегда был чем-то занят и вот как умер: в четверг он попросил сына истопить баню.

— Батя, да в субботу будем, как всегда, топить, и помоешься, — возразил Петр.

— Нет, топи, я сегодня умру, — настаивал дед.

— Да ты что, батя! Ты вроде не хвораешь.

— Хвораю не хвораю, а нынче умру.

Сын истопил баню, дед помылся, попросил новое чистое белье, да чтобы лавку застелили ему под образами. Лег на лавку, помолился и умер. На похоронах его гроб несли на руках до самого кладбища его правнуки. А правнучки шли за гробом.

Но вернемся в солнечный летний день 22 июня 1941 года. Стояло теплое воскресное утро. Мария Яковлевна встала рано. Вчера вечером к ним приехали долгожданные гости — двоюродный брат мужа Алексей с женой Настей и трехлетним сыном Алешкой. Хозяйке хотелось угостить городских родственников домашними пирогами. Утро было таким ясным и спокойным, что к Марии Яковлевне опять пришла надежда: а вдруг войны все-таки не будет? Вот и в газетах то же пишут. Она вздохнула. В доме спали ее пятеро детей. Младшей, Веруне, было два года, старшей, Нюре, — семнадцать, недавно получил паспорт сын Егор, средней дочке Шурке было десять, а Вальке — шесть. Шурка и Валька озорницы были те еще. Придумщицей была старшая, а младшая с увлечением участвовала в Шуркиных играх. Шурка с детства спала очень мало, по ночам вставала, одной было скучно, и она постоянно будила Вальку. Шурка любила рисовать, рисовала долго, с удовольствием, на больших листах бумаги, а Валька смотрела. Заодно они и завтрак старших ребят могли съесть. Однажды вытащили из печки здоровый горшок с холодной лапшой, нашли запасы топленого масла, как могли, перемешали и за ночь умяли практически все. Утром мать с изумлением обнаружила пустой горшок:

— Как же в вас влезло-то?!

А однажды Шурка предложила поиграть в дочки-матери. Только вот антуража не хватило. И положила она глаз на большую люльку, висевшую на огромной пружине, прикрепленной к крюку в потолке. В люльке спала грудная Веруня. До потолка Шурка даже со стола не доставала. Пришлось поставить на стол еще и табуретку. Сначала Шурка достала из люльки ребенка и положила его на спящих родителей, потом залезла на свое шатающееся сооружение и сняла тяжелую люльку. Люльку засунули под лавку, туда залезла Валька, получила в рот соску и радостно заагукала. И все бы было хорошо, да вот Верка заплакала. Проснулись родители, чуть не уронили ребенка на пол. Шурка быстро шмыгнула в постель и притворилась спящей, а Валька осталась в люльке. Но родителей обмануть было трудно. Петр посмотрел на потолок и крикнул:

— Нежит тебя возьми, люльки нет! Ну Шурка, ну Шурка!

Вся семья была певучая, и младшие не исключение. В один из летних месяцев у Хлынцевых жили строители — строили мост. Жили они в саду, в большом шалаше. По вечерам после совместного ужина гости ставили Вальку на табуретку, Шурка вставала рядом, и они устраивали целый концерт. Дед каждый раз просил спеть «Тачанку» и, слушая, всегда плакал. Именно на тачанке он получил контузию и практически оглох. Строители же все слушали с удовольствием и щедро за это удовольствие награждали девчонок — то три, то пять рублей дадут. Мама потом на эти деньги приносила кучу сладостей. Шурке доставалось много халвы. Халву да еще мед — вот все, что из сладкого ела Шурка. Ни сахара, ни конфет она терпеть не могла.

Но шалости не всегда заканчивались для Шурки благополучно. Она любила бегать вокруг качелей, когда кто-то из старших на них качался, успевая пробегать, пока качели летели в другую сторону. Однажды проскочить не успела. Качели ударили по лицу, рассекли губу пополам. Местный фельдшер зашивать губу не стал, наложил скобки, чтобы шрама не было, ведь девочка. А потом сказал:

— Нет, Шурка, своей смертью ты не помрешь!

Он не угадал. Александра Петровна прожила долгую жизнь, построила целый город и умерла своей смертью...

Чтобы никого не разбудить, Мария устроилась на «чайном» столе под вишней, где семья обычно собиралась по вечерам. Но не успела раскатать тесто, как из дома вышли братья с удочками на плечах.

— Ты что это гостю спать не даешь? — набросилась Мария на мужа.

— Он тут ни при чем, это моя идея, — вступился за брата Алексей. — Соскучился я по рыбалке.

— Мы ненадолго, Маш, — улыбнулся Петр, — к обеду вернемся.

— Ишь ты какой! Он до обеда голодом человека морить будет. Чтобы к завтраку были. У меня, Алексей, — она повернулась к брату, — чудесное варенье с зимы осталось. Из золотого ранета. Сироп, как слезка, прозрачный. Будем чай с пирогами пить.

Мужчины ушли. Но Мария недолго оставалась одна. Из дома выскочили две девчонки и стали с визгом носиться по саду.

— Шурка, — голос матери был сердитым, — это ты, оглашенная, Вальку разбудила?! И гости проснулись? И Егор?

Шурка остановилась.

— Нет, все спят.

— Ладно, поднялись, так хоть не орите.

Скоро Шурке стало скучно, и она позвала к себе младшую.

— Валька, айда праздничное варенье есть, пока мамка тут. Я видела, там ларь не запертый...

— Айда...

Шурка тихо пробралась в кладовую, отодвинула в сторону горшочки с шестью сортами варенья, которыми их каждый день пичкала мать (скоро варить новое, а старое еще не съели), и осторожно подняла тяжелую крышку ларя: в одном из сусеков стояла двухведерная кастрюля с вареньем из золотого ранета.

Ларь был глубоким, и Шурка с трудом дотягивалась до кастрюли. Каждый раз ей удавалось достать всего по два яблочка, она быстро устала и задумалась.

— Валька, давай я тебя в ларь посажу. Ты сама будешь есть и мне давать.

— Давай.

Валька залезла внутрь и запустила обе руки в кастрюлю. Одно яблочко она отправляла в рот, другое отдавала Шурке. На крыльце послышались шаги. Шурка заметалась.

— Валька, я тебя закрою, а когда мамка уйдет — вытащу.

— Давай, а я пока есть буду.

Мать возилась с пирогами у печки долго. Все уже проснулись. Шурка томилась у двери. Наконец пироги испеклись.

— Ну вот и все, — мать сняла фартук. — Дети, за стол! Я вас покормлю, а потом мы с тетей Настей за мужиками пойдем.

Все уселись.

— А где же Валька? — мать обвела глазами комнату. — Шурка, покличь ее во дворе.

Шурка добросовестно обежала двор.

— Нету.

— К Коровиным сбегай.

Так же добросовестно Шурка сбегала к тетке. Мать забеспокоилась:

— Егор, сбегай-ка на пруд. Господи, уж не утонула ли?! Ох, беда какая! Нюрка, к оврагу слетай!

Она вышла на крыльцо и закричала:

— Валька! Дочка!

Из дома раздался оглушительный рев.

— Валька, ты где? — мать остановилась посреди комнаты.

— В рале-е-е...

— Где?!

— Где варенье-е-е...

Шурка побежала в огород прятаться. Ей казалось, что все пропало. Теперь ее убьют, изобьют, выгонят из дома, в общем, жизнь кончилась. Домой возвращаться нельзя. Когда через час ее нашел Егор, она рыдала навзрыд и спрашивала:

— Мамка ругается? Да? Не пойду домой!

Егор обнял ее:

— Да смеются все. Смеются...

Все хохотали. Мать, смеясь, развела руками:

— Так что обещанного варенья не будет.

— Пойду, посмотрю, как там Алешка, — Настя хотела встать из-за стола, но Маша ее остановила.

— Не беспокойтесь, Настя, Нюра за ребяташками присмотрит, а мы еще по чашечке чая выпьем. Шурка!

Шурка робко выглянула из-за двери.

— Дочка, сбегай быстренько в магазин за халвой. Тете Варе скажи, что завтра приду на работу, расплачусь.

Шурка помчалась по улице.

— Проголодался, Алексей? А мы рыбки много накидали нынче, — Петр разливал из самовара чай.

— Смотри, Петр! Дочка-то у тебя какая шустрая, уже обратно бежит, — Алексей повернулся на стуле.

А Шурка летела по улице, забыв про халву, торопясь первой принести домой необычную, важную, удивительную, а значит, по ее мнению, очень радостную новость. Она бежала, размахивая рукой, как пропеллером, и кричала во весь голос:

— Ура! Война началась! Вой-на! Вой-на!

Гости уехали через час. Прощались молча: обе женщины боялись разрыдаться.

Вечером Мария Яковлевна собирала мужа в дорогу. На войну.

Осенние яблоки

Он лежал, закрыв глаза, и вспоминал себя год назад. В памяти всплывало одно и то же: последний день отпуска перед отъездом на фронт. Он как будто видел себя со стороны. Свои большие рабочие руки и маленькую ладошку жены, казавшуюся такой беспомощной на его огромной ладони. Он опять ощутил, как спружинила трава под его ногами, почувствовал шершавую неровность калитки, ощутил, как ветер охлаждал его ладонь, когда он махал и махал рукой из окна вагона.

Он открыл глаза. На соседней койке сидели четверо выздоравливающих солдат, его соседи по палате. Они сворачивали огромные самокрутки и хохотали над очередным анекдотом маленького лопухого солдатика, веселившего весь госпиталь.

Солдаты заметили, что он открыл глаза, и сразу умолкли. Тот, кто сидел к нему ближе, засуетился, схватил костыли, доковылял до него.

— Может, закурить хочешь? Это мы мигом. А, Миш?

Михаил посмотрел, как ловкие руки солдата стали сворачивать сигарку, и отрицательно замотал головой. Безногий молча постоял над ним и медленно вернулся на место, тяжело переставляя костыли.

В палату вошел хирург. Михаил глядел на его твердую уверенную походку, на то, как крепко он ставил ноги, будто припечатывая каждую к полу. Врач сел к нему на кровать, и Михаил бросил взгляд на его большие руки с короткими широкими пальцами. Рука доктора похлопала по его одеялу.

— Все бунтуем?

Михаил молчал. Он стал замечать, что видит вокруг себя только руки и ноги. Рядом с ним, как в кошмаре, двигались, топали, хватали, гладили, держали только руки и ноги, руки и ноги... От этого кружилась голова, и Михаил лежал с закрытыми глазами.

— Надо жить, Михаил, надо жить! — услышал он голос хирурга.

— Кому надо? — голос прозвучал хрипло.

— Тебе, твоей жене...

— Это вы правильно сказали, надо моей жене жить. Жить, а не меня на горбу таскать! Слушай, тезка, — проговорил он со сдержанной яростью. — Ну вот скажи мне по-человечески, зачем ты меня с того света вытащил? Думал, я тебе спасибо скажу? Подлец ты.

— Ошибаешься, Михаил.

— А ты катись отсюда. Пристрелить не можешь, тогда катись. А жалеть не надо, ты меня уже пожалел... Хватит.

Михаил отвернулся к стене и глухо добавил:

— Переведите меня в палату, где лежачие. Не могу я...

— Хорошо, хорошо, — поспешно сказал врач и поднялся.

Хирург ходил по кабинету. Курил. Пепельница была переполнена. Он заметил это, ткнув в нее очередной окурок, и решительно сел за письменный стол.

«...Я должен сообщить, что ваш муж, Михаил Петрович Колесников, жив и находится на излечении в нашем госпитале...» Он вновь закурил и продолжил: «По жизненным показаниям ему была проведена ампутация конечностей: обеих рук и обеих ног». Повре-

менил и закончил: «Протезами обеспечить не можем: все ампутации, к сожалению, слишком высокие».

Михаил лежал в отдельной палате и смотрел в окно. По небуплыли прозрачные осенние облака. Они казались бесформенными, и смотреть на них было легко. Вдруг в окне показалась голова девочки лет двенадцати. Убедившись, что врача нет, она положила на подоконник завернутые в тряпку яблоки и быстро шмыгнула в палату.

— А, Шурка. Как дела?

— Хорошо дела. Мы сегодня письмо от папаньки с фронта получили. А вы же не спите, если мертвый час, и все грустный лежите? Хотите, я вам песню спою?

Она поболтала рукой у живота, как на струнах гитары: «Трам, трам». И запела: «Расцветали яблони и груши...». Тексты песен Шурка учила, слушая большой черный репродуктор в центре села, и часто пела то, что услышала. В любимой «Катюше» в строчке «Про того, которого любила, про того, чьи письма берегла» вместо «чьи письма» ей слышалось «чипизник». Так она и пела, решив, будто это что-то вроде тубетейки. Когда она допела до «чипизника», Михаил улыбнулся, а Шурка пришла в восторг:

— Михал Василич велел вас веселить, вот вы и веселитесь!

Начальник госпиталя подвел молодую женщину к палате.

— Он здесь. Постарайтесь взять себя в руки. В палате две кровати. Ребята вам стол принесут. Поживите пока. Ну не волнуйтесь.

Он повернулся и быстро пошел по коридору, а женщина осталась стоять возле закрытой двери.

Михаил услышал, как скрипнула дверь, повернул голову и оцепенел. На пороге стояла Катюша. Мгновение они смотрели друг на друга, потом Катюша кинулась к кровати и стала отчаянно целовать его худые, плохо выбритые щеки.

— Шурка! — хирург схватил за рукав пробегавшую мимо девочку. — Ты вот что: к Колесникову больше в окно не лазай, ясно? И в палату пойдешь, сначала постучись.

— Почему?

— К нему жена приехала.

— Ну и что?

— Ну-у... — врач замялся. — Так надо.

— А-а-а... — протянула Шурка и с недоумением посмотрела в спину Михаилу Васильевичу.

Катюша сидела возле Михаила и рассказывала ему деревенские новости. Михаил смотрел на нее и не мог понять, что в ней кажется ему необычным. Потом понял: он не замечал у Катюши ни рук, ни ног, он видел ее целиком. Видел ее родное лицо, ее маленький вздернутый нос, пухлые губы, ясные глаза, пушистые мягкие волосы. Он потянулся погладить ее по волосам и... заплакал.

— Ты не мужик! Ты трус! — голос хирурга гремел на весь госпиталь. — Жена перед ним на коленях стоит, а он — туда же! В

благородство играет! В жертву себя приносит! Ее ты в жертву приносишь! Ты ее любовь предал! Все святое в ней предал! Ну вот что: я приказываю готовить машину. Марш домой!

— Никуда я не поеду, — сказал Михаил бесцветным голосом. — И пусть ее ноги здесь больше не будет. Я не хочу ее видеть. Понимаете? Не хо-чу!

Хирург махнул рукой, круто повернулся и вышел, бухнув в сердцах дверью.

Шурка бежала в госпиталь, поддавая ногой кучи сухих желтых листьев, и они взлетали вверх, поднимая серые клубочки пыли. Раненые, сидевшие на крыльце, остановили ее.

— Шурка, ты к Колесникову бежишь?

— Да, я ему яблоки несусь.

— Опоздала ты со своими яблоками. За Колесниковым вчера жена приехала.

— Ну?!

— За день все документы оформила и утром увезла.

— Куда? — Шурка растерянно переводила взгляд с одного на другого.

— Куда! — засмеялись солдаты. — Домой. Куда же еще?

Шурка стояла молча, жалея, что не попрощалась, а солдаты продолжали начатый разговор.

— А Мишка больше не упирался?

— Ждал он ее все время. Как прогнал, так с тех пор и ждал.

— Дождался, значит...

Все замолчали, и Шурка спросила:

— Ну вот, а они уезжали, что она, жена-то, делала? Ну как все это было?

— Что делала? — неохотно отозвался пожилой солдат. — Плакала, что еще ей делать?

— Почему плакала? Они ведь вместе домой уезжали. Ведь все хорошо кончилось.

Никто не ответил, лишь через несколько минут один из раненых похлопал Шурку по плечу и сказал:

— Шурка, спой-ка ты нам лучше про чипизник, а?

Мы скоро вырастем

Мария Яковлевна не вставала уже полгода. Рожистое воспаление, которое лечить еще не умели, сломало ее за год. Особенно сильно она сдала, когда следом за сыном, который, подделав в паспорте год рождения, прибавив себе год, ушел на фронт, сбежала туда же и старшая дочь. Теперь за старшую в доме была двенадцатилетняя Шурка. Шестилетняя Валька помогала ей как могла. Вести хозяйство было трудно. И только маленькую Веру они жалели и баловали как могли. Им казалось, что живут они хорошо.

Сентябрь 1942 года стоял холодный. В дальний сад перестали ходить рано. Фрукты и ягоды уже отошли, и в саду было пусто и бесприютно. Но сегодня что-то потянуло Шурку заглянуть туда. Она

побежала по дорожке мимо яблонь и вдруг остановилась. В саду кто-то плакал. Она кинулась на голос и увидела под кустом смородины ребенка — было ему на вид месяцев десять. Он сидел на ватном одеяльце и сжимал в руке раздавленные кисти рябины. Личико его опухло от долгого плача. Голые ножки посинели от холода: похоже, он просидел здесь всю ночь. Шурка помчалась домой.

— Мама, там в саду ребенка подбросили!

— Неси его скорей, дочка!

Шурка завернула мальчонку в мокрое одеяло и потащила в дом. Валька уже грела на печке воду. В теплой воде малыш вскоре отогрелся и замолчал, лишь иногда судорожно всхлипывая.

Валька принесла вареной картошки. Он жадно ел, давился, лез в миску обеими ручонками, тонкими и бледными. Мария Яковлевна тяжело вздохнула:

— Не оттого мать его бросила, девки, что плохая, а, видно, от большого горя.

— Не хочу, чтобы его в детдом. Пусть он у нас живет! — Валька редела возле постели матери.

— Дочка, да куда ж его нам? Сама видишь, как живем.

— Да вон у нас Верка есть, еще один маленький будет. Мам, мы с Шуркой скоро вырастем, выучимся и будем их кормить...

— Шурка, что тебе председатель сельсовета сказала? — мать повернулась на постели к старшей.

— Елизавета Петровна в район звонила. Ей сказали, чтоб с первой оказией отправили в Дом ребенка. Там примут. Она хотела его пока какой-нибудь женщине отдать, а я говорю, пусть он у нас немного-то поживет. Ничего, мам?

— Мальчик, на вот лепешечку. Вкусная. И чаю я тебе налью. Веру рядышком посажу. Вера, смотри, какой хороший мальчик. Кушай с мальчиком. И маме с Шуркой чаю налью, — Валька деловито хлопотала возле стола.

Мать с доброй улыбкой следила за дочкой. Шурка сидела на лавке и снисходительно поглядывала на младшую: пусть поиграет в хозяйку. Дверь распахнулась с резким стуком.

— Женя, сыночек!

Молодая женщина бросилась к мальчику, обняла его и разрыдалась. Ребенок заплакал. Валька бросилась отнимать малыша, но мать остановила ее:

— Не надо.

Женщина понемногу приходила в себя.

— Как зовут тебя?

— Нина.

Нина рассказывала:

— Мы в сорок первом поженились. Какие счастливые тогда были! В Куйбышеве на квартире жили, так хозяйка нарадоваться на нас не могла. А когда уезжали на заставу, куда Володю направили, даже плакала. Там, на границе, Женя и родился, а через неделю война. А Володя не знал, куда нас отправить: кругом никого родных — ни у него, ни у меня.

Шурка промчалась по деревне, зашла в кабинет, прошла мимо собравшихся в комнате — шло совещание — и отдала директору совхоза записку от мамы:

«Владимир Варфоломеевич! Нашлась мать подброшенного мальчишка. Она совсем одна. Родных у нее нет. В начале войны эвакуировалась к своей бывшей квартирной хозяйке, получила там похоронку на мужа, платить стало нечем, и хозяйка в квартире отказала. Поехала куда глаза глядят. Потом решила уйти на фронт, а ребенка подбросить. Молоденькая, совсем отчаялась. Да с полдороги вернулась, не выдержала. Очень тебя прошу, поставь ее на работу в свинарник, пропадет ведь».

Председатель совхоза вскоре беседовал с Ниной:

— У тебя специальность какая-нибудь есть?

— Нет.

— А образование?

— Десять классов.

— Послушайте, Нина, пойдете к нам в контору работать?

— Нет! — решительно вмешалась в разговор Шурка. — Мама сказала — в свинарник. Свиньям кашу дают. Она там Женьку прокормит. А в конторе он помрет.

— Ох, Шурка, — директор покачал головой. — Ну ладно, пойдет в свинарник.

Шурка захлопала в ладоши.

— Иван, у меня к тебе вот какой разговор, — директор сел за стол. — Ты один в доме живешь. Ваших никого уже не осталось. Да и тебе повестка на фронт пришла. А Нинке с мальчишкой жить негде. Сам знаешь, у Марии один одного меньше, да и в доме куска лишнего нет.

— Какой разговор, Владимир Варфоломеевич! Пусть живут!

Иван посадил Женьку на лавку и повернулся к Нине.

— Ну вот, располагайся тут. Дом у нас хоть и небольшой, да жить можно. А я тебе писать с фронта буду. Живой останусь — женюсь. Он повернулся и вышел.

Нина пришла с работы и сразу бросилась растапливать печь: за день в доме нахолодало. Поставила в печку чугунок с кашей и подумала: «Пойду за Женькой, надо девчонкам каши отнести». За Женьку она не беспокоилась: сестры присматривали за малышом не хуже любой бабки.

Нина устало присела за стол и подняла глаза. Со стены ей улыбались два молодых лица в черных рамках: мужа и хозяина дома.

Ленинградка

Валька пересыпала горячие лепешки в решето, когда в дверь тихо постучали.

— Кто это там? — удивилась Мария Яковлевна.

Шурка шмыгнула за дверь.

— Мам, это менялы, — и приветливо зачастила: — Заходите, заходите!

В дом вошли две женщины и девочка шуркиных лет, одетые по-городскому.

— Господи, в Ленинграде голод, а они лепешки из крупчатки едят! — одна из женщин обессиленно прислонилась к косяку.

— Девки! Шурка! Приглашай к столу, — мать приподнялась на постели.

— Садитесь, угощайтесь, — Шурка поставила на стол большую миску.

Валька уселась на лавку и стала смотреть, как это люди могут глотать, не жуя, такие большие лепешки.

— А из чего ж они все-таки? — спросила одна из женщин, глядя на пустую миску.

— Из вареной картошки, — объяснила мать, — да с яичками.

Шурка в это время с интересом разглядывала девочку: ее смуглое лицо, густые кудрявые темные волосы, черные глаза.

Девочка вернулась вечером уже одна. Подошла к Марии Яковлевне:

— Можно у вас переночевать?

— Да можно, чего ж. А где те, что с тобой были?

— В другое село пошли, а я здесь осталась. Завтра обратно хочу ехать. Мне скорей надо, у меня в Ленинграде мама с бабушкой от голода умирают. Если доведу вот это все, — она показала небольшой узелок, — то спасу их.

— Чего наменяла-то?

— Пшена немного и масла.

— Шурка, масло на ночь в погреб снеси. А ты, девонька, располагайся, — мать улыбнулась, — меня Мария Яковлевна зовут, Хлынцева мы.

— Спасибо. А мы с вами тезки.

Услышав голос матери, Шурка сразу вскочила:

— Что, мама?

— Шурка, давай-ка на дворе чурочек набери. Воду надо греть.

Смотри...

Маша спала сном смертельно усталого человека. Вдруг она села и, не открывая глаз, стала яростно чесать голову. И опять упала на подушку.

Давай, Шурка, надо голову ей помыть. Вши у нее, наверное.

Шурка разбудила сестру, одна она боялась выходить ночью во двор. Вскоре они притащили целый ворох щепок.

— Валька. Ты костерок не гаси и гребень густой приготовь, — велела мать, когда согрелась вода. — Буди.

Шурка с трудом растолкала девочку. Та безропотно подчинилась сестрам. Шурка наливала в таз горячую воду, окунала в нее Машину голову и изо всех сил терла ее руками: мыла давно уже не было. Валька вычесывала из волос вшей и бросала их в костерок. Меняли воду, снова окунали в нее голову и пускали в ход гребень.

Маша спала до самого вечера. Глубоко и спокойно. Ее не будили.

— Ну вот. Он ей как раз. Пусть носит.

Маленькая Верка бегала по комнате в красивом черном халатике с большим белым кружевным воротником. Мать подозвала к себе Шурку:

— Принеси-ка пшена из кладовки.

— Не надо, Мария Яковлевна, — Маша стояла с узелком возле дверей, — это за ночлег.

— Шурка, чего стоишь? Я тебе сказала, за пшеном сбегай! А ты, девонька, не отказывайся, лишним не будет. А что ночевала, так места у нас много, — мать помолчала. — Счастливо добратся тебе.

— Спасибо, Мария Яковлевна, За все спасибо. И за пшено тоже.

Шурка проводила Машу до калитки, а вернувшись, долго смотрела на нарядную Веру. Валька огорченно сказала:

— Жалко — воротник белый. Сразу замарает и отстирывать нечем.

О девочке забыли быстро, было много своих забот. Да и людей, ездивших по деревням обменивать одежду на продукты, немало проходило через их дом. Поэтому они не сразу и узнали в оборванной чумазой девчонке ту симпатичную нарядную Машу, которая ночевала у них два месяца назад.

— Мария Яковлевна, миленькая, не прогоняйте меня! Я помогать вам буду! Я все умею! Я кормить вас буду! Только не прогоняйте меня! — Маша, плача, ползла на коленях к кровати.

Валька редела в голос:

— Мамка, пусть она у нас живет!

У Марии Яковлевны в глазах тоже стояли слезы:

— Ах, девонька ты моя, кормить ты нас будешь... У нас и так столько ртов, куда тебя-то еще возьмем?

— Мамка, ну пусть останется! — взмолилась Шурка.

Мать посмотрела на плачущую Машу, оглядела детей и с тоской проговорила:

— Эх, девки, девки! Ну что с тобой делать? Живи.

Дед ходил около колодца и сокрушенно вздыхал:

— Бабы, вы же слабосильный народ. Я-то туда полезу, но ведь обратно-то вы меня не вытащите. А окромя меня никто колодец не очистит.

— Я очищу, — выскочила из толпы Маша.

Дед долго смотрел на нее:

— А и правда, девка. Ты, пожалуй, вычистишь.

Маша черпала ил и подавала ведра наверх. Ее вытаскивали, она грелась и снова спускалась. К вечеру в колодце плескалась чистая вода.

— Ну она же говорила, что кормить нас будет, а ты, мамка, не верила! — Валька поставила на стол горшочек молока и стакан пшена: соседи благодарили за колодец.

А в углу Маша жала в тазу с горячей водой испачканное в колодце платье, выменянное для нее Марией Яковлевной. Маша стирала его каждый вечер. Она не умела ходить грязной.

На берегу речки, помахивая прутиком малины, стоял дед.

— А ну, девки, вылезай! Как пупки уже синие! Вылезай, кому говору! Собаки вас ешь!

Услышав самое страшное дедово ругательство, девчонки вылезли из речки и, бочком подобравшись к платьям, быстро оделись. Дед, неся Веру на руках, шел за девчонками и ворчал:

— Табак опять не поливали... А ежели посохнет? Чего я на фронт посылать буду? Воду носить им, вишь, далеко. А как чего на огороде поспеет, так они первые хватать.

Валька остановилась, подбоченилась и возмущенно ответила:

— Это когда же, дедка, я твой табак первая хватала?

Дед плюнул, повернулся и зашагал прочь.

В колхозе брали коноплю: семенные метелки оставляли в поле, остальное собирали. Девчонки шли в поле вместе. Но Шурка работала быстро, и вскоре Маша осталась далеко позади. Шурка хотела окликнуть ее, посмотрела по сторонам, но Маши не было видно, и Шурка опять быстро заработала руками, осторожно обходя метелки, полные вкусных маслянистых зерен.

— Мария Яковлевна, командуйте, что теперь с этим делать, — Маша вытащила из-за пазухи мешочек конопляных семян.

— Ух ты! — восторженно взывала Валька.

— Ну, девонька, давай вот что делать. Обжарь их на сковородке, потом натолки, воды туда, сольцы добавь. А блины вон Валька хорошо печет, она уже привычная.

— Ага, все почти умею, — Валька деловито поставила на печь сковородку и, не удержавшись, похвасталась. — Меня Шурка осеңью в школу отведет.

Когда Шурка вечером, так и не отыскав Машу, вернулась домой, на столе в миске дымилась горка жирных, с ноздреватой корочкой блинов.

Девчонки сидели на печке, жевали маслянистые тугие комки жареного конопляного семени и разговаривали.

— Маш, а ты бы с другой стороны пробралась, а? С солдатами как-нибудь.

Маша вздохнула:

— Чего я только не пробовала. Я на всех поездах до Ленинграда добиралась. А чаще всего на военных эшелонах. Приехала, а там блокада. Я, Шурка, даже на танк залезала. Не пробилась. Блокада, — тихо повторила Маша.

— Может, твои еще и выживут, дочка, не убивайся заранее-то, — голос матери был ласковым.

Маша надела свое зимнее пальто: ушитый в плечах пиджак Егора, старшего брата девчонок, воевавшего на фронте, и скомандовала:

— Пошли.

Шурка взяла мешок и двинулась следом. Они шли в темноте по оврагу километра три, пока добрались до места. Спрятавшись за редкими кустиками, стали наблюдать. Совсем рядом высился

огромный гурт семенной картошки. Вокруг ходил вооруженный милиционер: картошку охраняли.

Девчонки терпеливо ждали. Холодная ночь тянулась медленно. Милиционер замерз. Он хлопал руками по бокам, приплясывал и нетерпеливо поглядывал на звездное черное небо. Наконец стало светать, и он решил добежать до ближайшего дома погреться. Маша с Шуркой подождали еще немного, бросились к гурту и окоченевшими руками стали выковыривать из него картошку. Полный мешок они скатили в овраг и сами прыгнули за ним. Было уже почти светло. Незаметно добраться до дома стало невозможно. Девчонки решили ждать вечера. Когда на землю спустились первые сумерки, Маша распорядилась:

— Шурка, беги домой, возьми второй мешок, так мы ее не до-тащим.

Мать плакала:

— И чего я только не передумала. Господи! Все ведь может быть. И Валька к оврагу весь день бегала...

Валька молча варила принесенную Шуркой в подоле картошку. Шурка есть не стала:

— Я уж с Машей поем. Когда она добралась до Маши, было совсем темно. Они сели на мешок и стали жадно есть. Маша ела прямо с кожурой: чистить картошку ей представлялось невысказанным расточительством. Они тащили мешки по оврагу, и им казалось, что никогда они из него не выберутся. Ног и рук они уже не чувствовали, глаза слипались. Они шли и шли бесконечно долго, и когда перед ними возникли светящиеся окошки их дома, ночь была на исходе. Маша с Шуркой спали, а Валька, таская картошку в подпол, рассуждала:

— Теперь мы самое голодное время, весну, переживем. Мам, теперь нам, наверное, и чищенную картошку есть можно будет?

— Можно, доча, можно. — А какие из прокрученной кожуры я блины напеку!.. — Валька мечтательно прикрыла глаза.

— Не беспокойтесь, Мария Яковлевна, доберусь как-нибудь. Блокаду сняли, теперь легче.

— Не доберешься, девонька, послушай меня.

— Все равно поеду. Не могу я больше ждать, Мария Яковлевна, — твердо ответила Маша. Женщина вздохнула.

— Я твой адрес записала, мы тебе напишем, и ты пиши, — Шурка обняла Машу.

— Мы никогда не потеряемся, правда? — Валька испытующе заглядывала Маше в глаза. Вера тоже топталась рядом. Она подергала Машу за подол и сказала:

— Ты плывет маме, папе и бабушке от нас пеледаи, ладно?

Маша кивнула и быстро отвернулась.

Они потерялись. Надолго. И когда сестры уже учились в техникуме далеко от дома, им неожиданно пришла посылка из Иванова. Они удивленно гадали, кто это мог быть, а когда открыли посылку, увидели фотографию красивой черноволосой девушки, лежавшую сверху. Ее лицо было незнакомым, и только прочитав письмо, они поняли, что это Маша. Тогда-то они и узнали ее историю. Маша до-

бралась-таки до дома и узнала от соседей о смерти мамы и бабушки. Зато в почтовом ящике лежало письмо с фронта от отца. Это было счастьем. Они переписывались два месяца. До похоронки. Она не смогла жить в квартире, где все напоминало о прошлом, и уехала в Иваново, там окончила текстильный техникум и работает по специальности.

В посылке лежали отрезки ситца и шерсти. Маша объяснила, что все они выросли и она не знает их размеров, поэтому посылает ткань, а девчонки сами сошьют то, что им нужно. Это был царский подарок. Ширпотреб в стране тогда был большой редкостью. Они сшили Шурке и Вальке по нарядному платью и по шикарной юбке.

Гадалка

Мария Яковлевна умерла в мае 1943 года. Хоронили ее всем селом. Цвели ландыши, и гроб был завален ими. Всю оставшуюся жизнь Шурка ненавидела эти цветы. Кто-то из соседей принес для Веры новое платьице. Она бегала возле гроба веселая, нарядная и время от времени подбегала к гробу, дергала мать за рукав и повторяла:

— Мамка, ну чё разоспалась, посмотри, какое у меня платье!

Бабы рыдали в голос.

Они теперь остались втроем: Шурка, Валька и Верка. Шурка стала совсем взрослой, ей скоро должно было исполниться тринадцать.

Денег у сестер не было. Хотя Шурка уже год, «как мужичонка», по словам директора, работала в совхозе, денег за работу не платили, а ставили трудодни, так называемые «палки». Каждый выживал своим хозяйством. У девчонок хозяйства не было. И за хлебом они ходили каждое утро с зажатыми в кулаке карточками. Чтобы получить хлеб, Шурка и Валька уходили в четыре утра, когда еще было темно, вдвоем, по одному было страшно, долго и терпеливо стояли в очереди молчаливых баб до открытия магазина и потом, пока не дойдут до прилавка. А там тетя Варя, подруга покойной матери, отрезала им бесплатно по их карточкам хлеб и каждый раз восклицала:

— Ну что ж вы вчера не приходили? Ну вот вам за два дня.

Стояли они каждый день с одними и теми же бабами, но ни разу ни одна из них продавщицу не поправила. За два дня, значит, за два дня. Девочки возвращались домой добытчицами. А дома их ждала испуганная зареванная Верка. Ей всегда было очень страшно одной, но тащить ее с собой на многочасовое стояние, особенно зимой, они не хотели. К тому же они думали, что сестра спит, а Верка в своих страхах не признавалась.

Добывали они еду по-разному. Под снег на совхозном поле ушла гречиха. Шурка с Валькой, собирая хворост на растопку, дошли и до нее. Притащив домой первую охапку, поняли, что это не просто хворост, а гречка. До самого вечера, раз за разом, они ломали мерзлые палки и тащили очередную охапку домой. К вечеру в сенях высилась гора засохших стеблей. Потом они вытрясали семена и толкли их в корыте для капусты. Получилось много гречневой муки.

Валька стояла на скамеечке возле печки и пекла блины. На крышку от двухведерного чугунка она наливала три больших блина, а потом старательно выписывала тестом загогулины, заливая оставшееся на сковороде пространство. Подмазывать сковородку было нечем, и блины отдирали как могли.

Только Валька налила тесто на сковородку, как прибежала Шуркина подружка Манька Турусиха, или Турус На Колесах, как ее прозвали за неумное озорство. Стояла зима, темнело рано, и Шурка зажгла фитилек.

— Шурка, тебе братка мой велел отдать, — Манька протянула медное колечко. — Сам из пятака сделал.

Шурка бережно взяла подарок и придвинулась к свету, чтобы хорошенько его разглядеть. Повертела кольцо и загляделась в крошечное пляшущее отражение пламени. Любуясь, она зачарованно смотрела в эту светлую точку и вдруг вскрикнула:

— Манька, смотри! Ваш Петька бежит! Вот упал. Раненый он.

— Где, где ты увидала?

— Да вот, в кольце.

— Ну-ка, еще посмотри.

Шурка уткнулась носом в кольцо:

— Вот, ну точно ваш Петька, его медсестра на шинели тащит, раненый он.

Манька заорала и пулей выскочила из избы. Через пять минут она вернулась с задыхающейся матерью.

— Шурка, это чего ты тут говоришь-то? Где ты Петьку мово увидала-то?

— Да вот, в кольце.

— В кольце... Господи, господи, ведь от него уже месяц писем нет. А живой он там?

— Живой, тетя Стенька.

— Ох, может, чего и правда. Бабка твоя мастерица была гадать. А вот мать покойница не могла. Земля ей пухом, — она мелко перекрестилась, всхлипнула и, сторбившись, медленно вышла из избы. Манька поплелась следом.

Прошло несколько дней. Сестры мыли пол, когда в дверь постучали. На пороге стояла соседка. Она непривычно робко вошла в избу.

— Шур! Ты вроде, говорят, гадаешь, — и, помолчав, добавила: — Стеньке Игониной письмо от сына, от Петьки, значит, пришло. Из госпиталя. Раненый он... Я вот тут молочка маненько принесла. Ты мне погадай на Ванюшку на мово.

С этого дня к Шурке шли и шли бабы со всего села. Сначала приходили знакомые, потом с дальних улиц, потом из соседних деревень. Валька регулировала процесс: выстраивала очередь, принимала оплату за гадание и хозяйственно убирала по местам. Однажды вечером пришла молодая женщина, Шурка ее не знала. Посмотрев в кольцо, Шурка спросила:

— У вас дом с крылечком и звонок деревянный?

— Да.

— Вот подходит к крыльцу солдат, только брюки у него галифе,

а на нем бушлат морской, за плечами рюкзак, а в руке чемодан. Он сегодня ночью придет или утром.

Женщина растерянно сказала:

— Почему бушлат? Он же не моряк, он артиллерист. Год уже писем нет.

И убежала. Валька посмотрела ей вслед и осуждающе сказала:

— А она ничего не принесла.

— Ну и ладно, — откликнулась Шурка.

Они пришли через три дня. Вдвоем. Он действительно был в бушлате. Объяснил почему: — Прорвался из окружения, попал в партизаны, а там уж что было, то и носили. Фронт до нас дошел, разрешили отпуск.

— Под утро и пришел, все как ты сказала, — добавила женщина.

Они положили на лавку половину задней части свиньи:

— Ешьте на здоровье.

К пасхе Шурка заработала гаданьем настоящей муки, яиц, масла.

И сестры к празднику решили испечь настоящие куличи и покрасить яйца. Затемно они уже растапливали печь. Вдруг забарабанили в дверь. Шурка выскочила в сени и восторженно закричала:

— Нюрка, Нюрка приехала.

Валька вылетела следом. Нюра вошла в избу, со смехом волоча повисших на ней и визжавших от счастья сестер. Как только рассвело, под окном затопал дед. Он каждый день проводывал сестер после работы — дед сторожил колхозный склад. И вот они уже впятером сидят за столом, пьют чай с куличом и разговаривают. И это чаепитие почти как довоенное, долгое и приятное. Верке непривычно уютно от такого неторопливого семейного разговора. У Вальки с Шуркой светятся в глазенках удовольствие и покой. А Нюра рассказывает:

— Ну вот, мы по очереди друг друга домой и отпускаем. В прошлый раз Светка, тоже помощник машиниста, ездила, теперь вот я. Эшелон к фронту пошел, завтра вечером возвращаться будет, меня на станции заберет.

Шурка смотрела на старшую сестру, вспоминая, как Нюра весной сорок второго босиком и в летнем платице убежала тайком от матери на фронт, и радостно было ей оттого, что сестра, пусть и ненадолго, но снова рядом. И казалось, что до завтрашнего вечера еще так далеко...

Шурка гадала почти до осени. А потом вдруг перестала видеть картинки. Как ни старалась, что только ни делала, ничего не помогало. Бабы ругались:

— Смотри-ка, заелась.

А одна потихоньку посоветовала:

— Да ты придумывай, тебе же верят.

Еще бы не верили. Не было ни одного случая, чтобы Шуркино гаданье не сбылось. Вот только врать Шурка не умела и не хотела. Но первую зиму без матери они прожили не голодая. Как говорила тетка:

— Это мать вам, наверное, оттуда помогает.

Летом сорок четвертого отец прислал первую посылку с фронта. Когда девчонки ее открыли, не сразу поняли, что это такое. В коробке плотными рядами лежали маленькие желто-прозрачные

прямоугольнички. Они попробовали на вкус — несъедобно. Потом взяли в мокрые руки — пенится. Мыло! Не дожидаясь вечера, сестры нагрели воды, занавесили окна и стали отмываться. Сначала вымыли Веру, потом вымылись сами. Потом затеяли стирку, отстирав одежду, вывесили во дворе. Летом все высохло быстро, и, расчесавшись и нарядившись, они вышли на улицу. Их сразу и не узнали. А проходившие мимо эвакуированные, видевшие их каждый день, воскликнули:

— Смотрите, какие красивые дети!

Тайная милостыня

За окном было еще темно, а Шурка с Валькой, как всегда, уже хозяйничали. Шурка растапливала печку, залезая в нее почти целиком. Валька мыла картошку. На улице бушевала пурга, и все окна были залеплены мокрым снегом.

Вдруг что-то темное навалилось на окно и, сползая, процарапало в снегу на стекле две полосы.

— Волки! — испуганно пискнула Валька.

Шурка попыталась через кусочек чистого стекла рассмотреть, что творится на улице, но ничего не увидела. Вскоре сестры успокоились. Кипела в чугунке картошка, дома было уютно от топившейся печки, за окном медленно светлело.

— Смотри! — Валька опять вскрикнула.

Снова что-то темное загородило окно. И вновь две широкие борозды на залепленном снегом стекле процарапали теперь уже ясно различаемые скрюченные человеческие пальцы...

Сестры оцепенели. Потом Шурка все-таки решила подойти к окну. Через кусочек чистого стекла она углядела рукав шинели, из-под которого виднелись часы.

— Валька, это не волк, это военный, офицер, у него часы. А вдруг это Егор? Пошли посмотрим. Сестры осторожно подошли к двери. Валька сжимала в руке скалку. Сестры прислушались. Было тихо. Шурка приоткрыла дверь, и они увидели возле окна припорошенного снегом человека в военной форме. Валька бросила скалку и подбежала к нему. Это был и вправду офицер с большими звездами на погонах. Сестры подхватили его под руки с двух сторон и потащили наверх по крыльцу, к двери в дом. Военный был без сознания, и тащить его было тяжело. В дверях из сеней в дом был высокий порог. Как девчонкам удалось заволочь офицера из сеней в дом, они и сами не понимали. В доме девчонки положили его на принесенную из сеней солому, под голову засунули подушку и стали раздевать. Шинель сняли быстро, поворачивая его с боку на бок, один сапог — тоже. А вот когда стали снимать второй сапог, человек застонал, и они поняли, что нога у него раненная.

— Давай разрежем сапог, — предложила Валька.

Шурка вспомнила острые, как скальпель, ножи отца, которые он перед уходом на фронт запер и строго-настрого запретил трогать, ответила:

— Нет, мы ему ногу разрежем, давай так. Они начали потихоньку, покручивая, тянуть сапог. Возились долго, но сапог все-таки

сняли. Валька притащила со двора снега в ведре, и они стали растирать офицеру руки, лицо и здоровую ногу. Раненую растирать побоялись.

— Ну вот, теперь пусть спит, — сказала Шурка и накрыла офицера его шинелью.

Сами же они залезли на печку, но заснуть им не удалось. Офицер стал кричать низким странным голосом. Верка проснулась и заплакала. Сестрам стало жутко. Наконец офицер открыл глаза, недоуменно осмотрелся и спросил:

— Где я?

— В селе, — ответила Валька и толкнула Шурку локтем.

— В каком?

— Да в Жукове.

— Значит, дошел, — и, посмотрев на удивленных девчонок, главевших на него с печки, добавил: — Я в госпиталь ваш возвращаюсь из отпуска. Метель в дороге застала, заблудился. Да вот у самого госпиталя чуть не замерз. Кто меня сюда затащил?

— Мы, — ответила Валька.

— Неужели сами? А старшие где?

— Мамка умерла, папанька с Егором на фронте, Нюрка тоже. Мы втроем живем, вон Верка спит. А по утрам к нам дедка заходит. Он уже придет скоро, — Валька слезла с печки. — Вы есть хотите?

— Нет, девчата, — он закрыл глаза. — Я в ногу ранен был, а теперь ее, видно, отморозил. Не до еды мне.

В дверь постучали. Шурка выскочила на крыльцо и вскоре вернулась с узелком.

— Что, дед пришел? — встрепенулся раненый.

— Нет. Это тайную милостыню принесли, — объяснила Валька.

— Что? — не понял офицер.

— Ну, это когда милостыню хотят подать, чтобы никому не обидно было. Узелок на крыльцо кладут, стучат, а сами уходят. Это у нас тайной милостыней называется.

— Вот как? — проговорил раненый и покачал головой.

— А вы кто по званию, лейтенант? — Шурка показала на погоны.

— Да вы что, девоньки, я полковник — поглядите, звездочки-то большие.

В окно тихо постучали.

— А вот и дедка, — Валька побежала открывать.

— Ну как вы тут, девки? — послышался в сенях глухой бас.

— А у нас кто есть. Раненый. Он из госпиталя. Он замерз, — тараторила Валька.

Дед выслушал девчонок, потом полковника и сказал, поглаживая бороду:

— В госпиталь нынче же доставим вас в лучшем виде, об этом не беспокойтесь.

Дед ушел, а через час к дому подкатили сани. Два солдата вынесли полковника из дома, положили его в сани, завернули его в два тулупа и поехали в госпиталь.

Через пару месяцев во дворе Хлынцевых раздался веселый голос:

— Эй, воробушки! Можно в гости к вам?

Сестры выбежали из дома и увидели у калитки улыбающегося полковника. Полковник вошел в избу, сел на лавку и вытащил из кармана сверток:

— Ключите, воробушки!

Верка боком подошла к столу и развернула тряпицу. Там лежали несколько кусков сахара и четверть буханки хлеба.

— Ой! — Шурка бросилась к печке. — Я щас чаю поставлю.

— Давайте, угощайтесь, а я пойду. А то от врача влетит. Скажет, сбежал, — он засмеялся, потрепал Верку по волосам. — Я еще приду. Будете гостя принимать?

Полковник приходил часто. Обычно ближе к вечеру они прогуливались вместе с главврачом госпиталя по селу и заходили к девочкам в гости.

— Воробушки, как вы там? — кричал от калитки полковник.

Верка его ждала, бежала навстречу, и полковник совал ей в руку сахарок. Раньше Верка не знала, что такое сахар и какой у него вкус. Шурке он отдавал остальное: то пару яиц, то кусочек масла, а то и котелок с кашей. На обмороженной ноге снова открылась рана, и лечение затянулось. Лето было уже в разгаре, а полковник все еще лежал в госпитале.

— Верка опять заболела, — откликнулась Валька на вопрос полковника, как они там.

— Ох эта Верка! — вздыхал главврач, вынимая из кармана трубку, заходил в дом, слушал легкие Верки, писал на листочке записку, отдавал ее Шурке, чтобы она сбежала в госпиталь и взяла лекарства для Верки. В это лето Вера часто болела.

Шурка подбежала к тетиному дому сзади, и тетя с крестной ее не заметили. Они разговаривали, и Шурка поняла, что говорят о них. Она спряталась за крыльцо и услышала:

— Ну и что? Им в детдоме лучше будет, хоть сытые будут.

— Да как ты не поймешь, что председательша себе их дом и сад захватить хочет?

— Ну и что? А ты с председательшей в соседях жить не хочешь?

— А Петька, Егор и Нюрка с фронта придут, как мы им в глаза смотреть будем?

— Да не знай, кто с такой войны придет еще...

Шурка осторожно вылезла из-за крыльца и, размазывая по лицу слезы, побежала к дому. Она уже не знала, к кому теперь обращаться за помощью. Тут она опять заметила пацанов, которые караулили ее уже несколько дней, и вспомнила, как сказала тогда председательша сельсовета: «Вы мне Шурку приведите, а Валька с Веркой сами придут». Шурка рванула вперед, бегала она хорошо. Мальчишки разделились и стали зажимать ее в клещи. Шурка поняла, что к крыльцу ей не успеть. Она завернула к задней части дома, нырнула в крапиву, пролезла в щель, где доска держалась на одном гвозде и подбежала к задней двери. Тихо постучала, потом забарабанила громче. Из-за двери послышался плачущий Валькин голос:

— Кто там?

— Это я, Шурка, открой!

Дверь открылась, Шурка заскочила внутрь и быстро заперла засов. Валька и Верка ревели.

— Вы чего ревете?

Валька показала на окно, с которого было видно крыльцо. На нем, растерянно переглядываясь, топтались мальчишки, не понимающие, куда исчезла Шурка.

Шурка серьезно задумалась. Надо было что-то срочно решать. В один прекрасный день рева они все-таки поймут. В голову приходило только одно: полковник был ее последней надеждой.

— Она хочет отправить нас в детдом, а дом и сад забрать себе.

— Да ты что говоришь?! — не поверил полковник. — Она же председатель правления, ты что-то путаешь.

— Вот и вы не верите, — заплакала Шурка.

— Ну не реви, я все устрою, — полковник погладил ее по голове. — Вы меня спасли, я ваш должник.

На следующий день, надев форму с орденским иконостасом, полковник пришел в сельсовет. О том, что произошло далее, девчонкам рассказала секретарша Зоя, видевшая все своими глазами и тут же примчавшаяся к Хлынцевым, чтобы все рассказать во всех подробностях и красках. В кабинете было полно народа. Председательша вскочила и, бросившись навстречу, протянула полковнику руку. Руку полковник проигнорировал и сразу приступил к делу:

— Я слышал, что вы хотите отправить насильно в детдом сестер Хлынцевых. Я требую, чтобы вы оставили их в покое раз и навсегда.

— Но дети могут пропасть, они совсем одни, — робко вставила председательша.

— Эти дети не пропадут, — перебил ее полковник и продолжил: — Я завтра уезжаю на фронт. Но оттуда я вас еще быстрее достану.

Он повернулся и вышел. Девочек оставили в покое. А через месяц им пришел с фронта литер. Шурка получила деньги, и они с Валькой и Веркой помчались в магазин. Девчонки не отоваривали карточек, потому что денег у них не было. А тут!.. Продавщица заволновалась:

— Откуда у вас деньги?

Шурка рассказала.

— А ведь это от Егора может быть, ты сходи в военкомат, узнай. А карточки только за три месяца могу отovarить.

Девчонки были счастливы. Они тащили домой кучу продуктов: крупы, лапшу, муку, масло, сгущенное молоко, американские консервы. И даже Верка несла слипшийся кусок сладкой карамели.

В военкомате Шурке сказали, что литер не от Егора, а от полковника, он присылает им половину своего денежного довольствия. Литер они получали каждый месяц до самого конца войны.

Эпилог

Петр Егорович Хлынецов возвращался домой с войны. Поезд шел из Японии к дальневосточной советской границе через бескрайние земли Китая. Солдаты много курили, пели протяжные русские песни и, выглядывая из дверей теплушек, подолгу смотрели вперед.

Иллюстрация Василия Денисова

На станциях к ним подбегали китайки и совали им в руки кулечки с рисом. Они ссыпали его в мешок, который к советской границе наполнился доверху.

Потом мимо проплывала Сибирь. И валил снег, заметая землю, декабрьский снег сорок пятого. И встречали в качающихся вагонах солдаты новый, мирный сорок шестой год.

Через три страны ехал и ехал домой солдат Петр Егорович Хлынецев. Грудь его украшали ордена Красной Звезды и Красного Знамени, медали «За отвагу» и целый иконостас других наград. А дома его ждали могила жены, похоронка на старшего сына и четыре дочери.

Он вернулся с войны 23 февраля 1946 года.